

12+

Ember Book

Картограф Тишины

Ember Book

Картограф Тишины

«Издательские решения»

Book E.

Картограф Тишины / E. Book — «Издательские решения»,

Картограф Крикс слышит то, что не слышат другие. Его проклятый дар — единственный ключ к Безмолвию, зонам, где магия глохнет. Однажды в мёртвой тишине он слышит стук: чужое сердце бьётся в ритме его собственного. Вместе с загадочным проводником без сердцебиения он отправляется в сердце тьмы, чтобы найти правду о мире, который умирает. Пройдя сквозь призрачные города и зеркальные туннели, он должен сделать выбор: остаться человеком или стать новым сердцем умирающего мира.

© Book E.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Частота тишины	6
Глава 2. Эхо в пустом доме	9
Глава 3. Песнь мёртвого города	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Картограф Тишины

Ember Book

Оформление обложки Leonardo AI

© Ember Book, 2026

ISBN 978-5-0071-1345-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Частота тишины

В начале был не свет, но гул.

Тектоника давила вниз невообразимой тяжестью континента. Здесь, на пятисотом ярусе, не помнили вкуса ветра и забыли, что такое горизонт. Вместо неба над головой нависал каменный свод — вечная, незыблемая ночь, расцвеченная холодными огнями. Далеко вверху, словно звёзды-мутанты, пульсировали россыпи драгоценной пыли: изумрудные огни Ксара, рубиновое зарево литейных ярусов Нокс-Феррума. Города-паразиты, вгрызшиеся в каменное чрево мира.

Крикс не смотрел вверх. Его вселенная сузилась до вибрации под подошвами сапог.

Он стоял на краю штрека, опустив ладони на шершавый, холодный базальт. Глаза закрыты. Дыхание ровное, как у спящего. На голове, сдвинутые на виски, покоились массивные наушники из кожи слепого крота-гиганта. Они не блокировали звук — они его фильтровали. Без них симфония Крови Камня, что текла по венам-артериям планеты, разорвала бы ему рассудок, превратив мысли в кашу из белого шума.

Он слушал.

Сначала — голос Ихора. Он просачивался сквозь породу, как вода сквозь пальцы: глубокий, утробный гул, похожий на бесконечную ноту виолончели. Магия здесь была спокойной, ленивой, переполненной железом и медью. Хорошее место для поселения. Безопасное.

Крикс чуть сдвинул пальцы, ловя отражённую волну. В трёх метрах левее он услышал тихий, хрустальный перезвон — там, в толще скалы, спала друза. Кристаллическое растение медленно поворачивало свои грани к потоку Ихора, едва слышно позвякивая, словно люстра от далёкого шага. Это был чистый, радостный звон. Жизнь.

Но он пришёл сюда не за этим.

Картограф Тишины достал из планшета пластину сланца. На ней уже была нанесена вязь туннелей и штолен, похожая на нервную систему тупа. Кружком он обвёл границу, за которой только что зафиксировал изменения. Гул Ихора здесь начинал заикаться. Высокие частоты пропадали, низкие становились ватными. Породы словно заболела акустической анемией.

Двадцать шагов вперёд. Двадцать шагов во тьму, разрезаемую лишь чахлым светом налобного кристалла.

И мир умер.

Крикс резко остановился. Он всегда останавливался, даже зная, чего ожидать. К этому привыкнуть было нельзя. Наушники издали короткий, писклявый сигнал перегрузки и автоматически активировали полное шумоподавление. Наступила тишина. Не та, что бывает от затычек в ушах, когда слышишь ток собственной крови. Нет — абсолютная, космическая, ватная тишина, в которой мысли становятся слишком громкими, а сердце начинает стучать, как кулак в дверь гроба.

Безмолвие.

Граница прошла ровно там, где он и предполагал. Крикс выдохнул, вытер испарину над губой и сделал пометку на карте, надавливая стилусом сильнее обычного. «Зона Б-17. Расширилась на пять метров. Нестабильна. Маршрут №4 закрыть». Ещё один участок, украденный тишиной у живых.

Это была рутина. Так он жил последние пять лет, с тех пор как его вышвырнули из Гильдии Ремесленников, назвав «глухарём» и «червяком». Там, где могучие маги повелевали потоками Ихора, двигая силой мысли каменные своды, он всего лишь слушал. Над ним смеялись: «Крикс ловит шепотки, пока мы вершим судьбы». Смеялись до тех пор, пока их могущество не растворялось в чернильной пустоте Безмолвий, оставляя беспомощными и слепыми. Тогда они ползли к нему и покупали его карты за бешеные деньги.

Он поправил наушники, собираясь уходить. В этой зоне нечего было ловить, кроме мигрени и подступающего к горлу ужаса. Обычно он не задерживался в таких местах. Тишина будила в нём что-то древнее, липкое, похожее на страх высоты, только наоборот — страх глубины.

Он уже повернулся спиной к провалу Безмолвия, когда уловил это.

Тук

Звук был таким слабым, таким немыслимым в царстве абсолютного ноля, что Крикс сперва принял его за галлюцинацию, за стук крови в барабанных перепонках. Он замер, медленно, словно боясь спугнуть, снял наушники. Полностью.

Тишина обрушилась на него всей своей чудовищной массой. Давление на перепонки было физическим, почти болезненным. В такой пустоте человек начинает слышать, как движутся его суставы, как трётся хрусталик о веко.

И сквозь эту абсолютную смерть звука снова пробился он.

Тук... Тук-тук.

Ритмичный, чёткий, механический стук. Это не было эхом обвала. Это не было капелью. Это была пульсация.

Крикс прижал ладонь к груди, туда, где под рёбрами, словно пойманная птица, билось его собственное сердце. Он задержал дыхание, выключив шум лёгких, чтобы сверить ритмы.

Удар сердца в груди.

И, спустя долю мгновения, как эхо от камня, ответный удар из глубины.

Тук-тук.

Они совпадали. Абсолютно. Искажённый толщей породы, замедленный, но чётко следующий его собственному синусовому ритму. Словно там, в чреве скалы, лежало и вслушивалось во тьму другое сердце. Гораздо большее.

Крикса затрясло. Пальцы, сжимавшие наушники, побелели. Его дар Абсолютного Слуха, проклятие всей его жизни, сейчас анализировал этот звук помимо его воли. Это не просто стук. В нём была текстура. В нём была мысль. Это песня. Оглушительная, костяная, сводящая с ума песня, наложенная на весь спектр магии, словно шумовая завеса. Безмолвие — это не тишина. Это крик такой силы, что он глушит всё остальное, крик на частоте инфразвука, от которого у нормальных магов плавают мозги.

Но не у него. Он был устроен иначе. Его слух был настроен не на магию, а на истинный звук камня.

И эта песня только что назвала его по имени. Не голосом — ритмом. Ритмом его собственного, глупого, испуганного сердца.

— Что... ты такое? — прошептал он в темноту.

Камень под его ладонью дрогнул. Не от землетрясения. Это была мелкая, судорожная вибрация, как от мурлыканья огромного, закопанного на мили вглубь кота. Свод штрека застонал, роняя струйку пыли.

Там, внизу, что-то ждало. Что-то древнее, разумное и терпеливое. Оно звало его не потому, что он был героем, ищущим приключений — трусоватый, нелюдимый картограф, чьим единственным другом был резонатор на поясе. Оно звало его потому, что он единственный за тысячу лет не зажал уши в панике, спасая рассудок. Он единственный остановился и дослушал.

Крикс отшатнулся от границы Безмолвия. Он схватил наушники и дрожащими руками натянул их обратно. Спасительный, привычный гул магии снова залил его мозг, стирая пульсацию.

На карте, там, где он только что аккуратно вывел контур мёртвой зоны, теперь зияла клякса. Рука дрогнула в последний момент. Капля чернил расплзлась по сланцу, словно чёрная дыра, поглотившая все линии маршрутов.

Он знал, что должен бежать. Забыть этот штрек. Затереть его с карт навсегда. Так поступают умные и трусливые.

Но, пятясь в спасительный гул жилых тоннелей, он кожей чувствовал этот ритм. Он вплёлся в его запястья, в виски, в поджилки. Сердце Крикса теперь билось не одно. Где-то в бездне, под километрами спящей магмы и окаменелых чудовищ, билось его отражение.

И оно не собиралось затихать.

Глава 2. Эхо в пустом доме

До Горизонтали он добирался три цикла.

Штрек сужался, ветвился, дышал в затылок сквозняками, пахнущими серой и старым камнем. Наушники Крикс не снимал ни на минуту. Гул Ихора здесь звучал иначе — надтреснуто, фальшиво, словно мелодия, сыгранная на расстроенном инструменте. Безмолвие подтачивало этот район, как ржавчина — железо.

Жилой квартал встретил его мёртвой тишиной.

Когда-то здесь обитали Ремесленники. Элита. Те, кто умел повелевать Кровью Камня, лепить из неё артефакты и своды. Теперь их дома стояли пустыми скорлупами, в которых даже пыль оседала как-то неохотно.

Крикс прошёл мимо трёх зданий, прежде чем остановился у четвёртого. Оно выделялось. Во-первых, окнами — точнее, тем, что от них осталось: проёмы были задёрнуты выцветшими, но всё ещё яркими гобеленами. Оранжевый, бирюзовый, кроваво-алый. В мире, где ценили камень и функциональность, это смотрелось почти неприлично. Вызовом. Памятником чьему-то упрямому жизнелюбию.

Во-вторых, оно молчало.

Крикс привык к Безмолвию. Он знал его вкус, его давление на барабанные перепонки. Но это здание не просто молчало — оно поглощало звук. Даже воздух здесь казался плотнее, словно вата, которой затыкают уши покойникам. Он сделал шаг к порогу, и звук собственного сапога о камень исчез, не родившись. Ни эха. Ни вибрации. Ничего.

Акустически мёртвое. Полнее, чем любая зона, нанесённая им на карты.

Инстинкт картографа — или просто глупое, неуместное любопытство — толкнул его внутрь.

Зал встретил его полумраком и запахом старой ткани. Гобелены на стенах изображали что-то неразборчивое: то ли карту звёздного неба, которого никто в Артерии не видел, то ли генеалогическое древо с обрубленными ветвями. Мебель стояла на своих местах — стол, пара стульев, низкий шкаф с распахнутыми дверцами. Всё покрыто толстым, серым, нетронутым слоем пыли.

Кроме одного кресла.

Он увидел его не сразу. Кресло стояло у очага — массивного, сложенного из чёрного базальта. Очаг давно погас, но само кресло сияло чистотой. Ни пылинки. Словно кто-то протёр его час назад. Словно кто-то пользуется им до сих пор.

Крикс замер. Рука сама потянулась к резонатору на поясе — бесполезному в Безмолвии, но привычному, как детская игрушка.

Нужно уходить. Сейчас же.

Он развернулся к выходу — и услышал шаги.

Не эхо. Эха здесь не существовало. Настоящие, чёткие, ритмичные шаги, отдающиеся в каменном полу вибрацией, которую он почувствовал подошвами. Кто-то приближался к дому. И этот кто-то насвистывал.

Мелодия была простой, почти детской. В мёртвой тишине Горизонтالي она звучала кощунственно — как смех на похоронах. Крикс застыл на полушаге, не зная, хвататься ли за нож или замереть в надежде, что незванный гость пройдёт мимо.

Гость не прошёл.

Он возник в дверном проёме — высокий силуэт на фоне тусклого свечения туннельных кристаллов. Плащ его переливался бледно-зелёным и розовым, как крылья пещерного мотылька. На поясе позвякивали склянки и амулеты. Он шагнул внутрь, всё ещё насвистывая, и только потом заметил Крикса.

Мелодия оборвалась.

Лицо незнакомца — худое, с острыми скулами и вечно танцующими бровями — сменило выражение быстрее, чем Крикс успевал отследить. Удивление. Раздражение. Расчёт. И, наконец, широкая, ослепительная улыбка, сверкнувшая во тьме, как вспышка магния.

— Ого! — голос у него оказался звучный, театральный, с лёгкой хрипотцой. — Живой человек! В моём скромном жилище!

Он всплеснул руками, и плащ его зашуршал, как крылья. Крикс отметил про себя: звук плаща тоже исчезал почти мгновенно, поглощённый стенами. Но голос незнакомца — нет. Голос оставался. Он резал тишину, как нож — масло.

— Да ещё и Картограф! — продолжал тот, подходя ближе и разглядывая Крикса с бесцеремонным любопытством. — Судя по этому дурацкому шлему с резонаторами. Или ты просто очень модный парень с очень плохим вкусом?

Крикс не ответил. Он стоял, напряжённый, как сталактит перед падением, и ждал.

— Дружище, — незнакомец остановился в трёх шагах, уперев руки в бока, — ты вообще в курсе, что сидишь в кресле, которому четыреста лет? Оно, между прочим, антикварное. И моё.

— Я не сижу, — сказал Крикс. Голос его прозвучал глухо, почти без интонаций.

— О, оно говорит! — незнакомец расхохотался. — Уже прогресс. Ну, стоишь, сидишь — какая разница? Главное, что ты здесь. А здесь обычно никого не бывает. Кроме меня.

— Ты кто?

— Я? О, это долгая и невероятно скучная история. — Он театрально вздохнул, проведя пальцами по расшитому воротнику. — Для краткости можешь звать меня Алехо. Я тут... — он сделал неопределённый жест, обводя рукой пыльные стены, — присматриваю за районом. Типа сторожа. Типа привидения. Типа последнего жителя. Выбирай, что больше нравится.

Крикс не выбирал. Он смотрел.

Что-то было не так. Что-то, помимо очевидной абсурдности ситуации. Алехо не переступил порог внутренней комнаты. Он стоял ровно на границе — там, где заканчивался коридор и начинался зал с очагом. Носки его сапог касались невидимой линии, и он не делал ни шагу вперёд. Словно незримая стена отделяла его от собственного дома.

— Ты боишься заходить в собственный дом, — сказал Крикс. Не вопрос. Утверждение.

Улыбка Алехо треснула.

Это было мгновенное, почти незаметное изменение — как трещина на фарфоровой маске. Под ней на долю секунды проступило нечто иное: застарелая, запёкшаяся боль. Пустота. Страх — тот самый, что Крикс чувствовал на границе глубокого Безмолвия, только вывернутый наизнанку.

Алехо моргнул. Маска вернулась на место.

— Бояться? — он фыркнул, но фыркание вышло неубедительным. — С чего бы? Просто... это дом моего детства. А у каждого из нас есть места, куда мы не хотим возвращаться. Но возвращаемся. Знаешь это чувство?

Крикс промолчал.

— Ладно, — Алехо скрестил руки на груди. — Давай начистоту. Ты — Картограф Тишины. Ты пришёл сюда не за антикварной мебелью. Ты идёшь в Безмолвие. В сердце его. Дальше, чем любой другой безумец до тебя.

— Допустим.

— Допустим, — передразнил Алехо. — Я знаю эту Горизонталь. Я вырос здесь. До того, как. — Он снова сделал этот неопределённый жест. — Я знаю каждую трещину, каждый обходной туннель, каждую западню, которую тишина расставила для таких, как ты. Без меня ты не пройдёшь и половины пути.

— Зачем тебе это?

Алехо улыбнулся. На этот раз криво, почти честно.

— Потому что ты — мой шанс. Ты слышишь то, чего не слышат другие. — Он понизил голос до шёпота, но и шёпот его был звучным, вибрирующим. — Может, ты услышишь и меня. По-настоящему.

Повисла пауза. Такая глубокая, что Крикс слышал, как бьётся его сердце — и ни звука больше.

— Ты знаешь дорогу? — спросил он наконец.

— Как свои пять пальцев. — Алехо продемонстрировал ладони — длинные, изящные пальцы фокусника.

— Тогда идёшь как проводник. Я плачу тебе знанием. В конце пути ты получишь ответы.

Алехо рассмеялся. Теперь уже без фальши — искренне, почти по-детски.

— Ответы — самая дорогая валюта, Картограф. По рукам.

Он протянул ладонь через невидимый порог. Крикс секунду колебался, глядя на эти длинные пальцы, на бледную кожу, на синеватые прожилки вен под ней. Что-то в этом рукопожатии было неправильным. Что-то важное, что он пока не мог уловить.

Но выбора не было.

Он пожал руку.

Ладонь Алехо оказалась холодной — холоднее, чем должна быть у живого человека, прошедшего по холодным туннелям. И на мгновение, на одно короткое мгновение, Криксу показалось, что его пальцы сомкнулись не на плоти, а на воздухе.

Алехо отдёрнул руку первым.

— Ну, раз мы теперь партнёры, — он снова стал прежним балагуром, — давай разведём огонь. У меня есть магические угли, горят без звука. Единственное, что работает в этой проклятой тишине.

Он достал из складок плаща маленький мешочек и, ловко высыпав несколько тускло-красных углей в очаг, дунул на них. Угли засветились ровным, бездымным, совершенно беззвучным пламенем.

— Садись, — сказал Алехо, кивая на чистое кресло. — Садись-садись. Раз уж ты его оккупировал, пользуйся. А я... я постою.

И он остался стоять — за порогом, у стены, в полутьме, скрестив руки и глядя на Крикса своими странными, меняющими цвет глазами.

Крикс сел. Кресло оказалось удобным — слишком удобным для четырёхсотлетней мебели. словно его хранили специально для гостя. словно ждали.

Огонь горел беззвучно, не давая теням танцевать. Тишина стояла такая плотная, что её можно было резать ножом. И в этой тишине Крикс впервые за долгое время подумал, что, возможно, совершил ошибку.

Не в том, что согласился на проводника.

В том, что пожал ему руку.

Потому что где-то на краю сознания, в той части его дара, что отвечала за абсолютный слух, вертелась одна навязчивая мысль: у Алехо нет сердцебиения. Вообще. Даже самого слабого, самого тихого.

Человек перед ним не дышал. Не шуршал одеждой, когда замирал. Не производил ни единого звука, кроме тех, что хотел произвести сам.

И Крикс, Картограф Тишины, специалист по пустоте и отсутствию, понял: он только что нанял проводником того, кого на его картах обозначали бы как аномалию.

Глава 3. Песнь мёртвого города

Они шли молча уже третий час.

Алехо — впереди, лёгкой, чуть подпрыгивающей походкой, плащ его мерцал в полутьме, как чешуя глубоководной рыбы. Крикс — на два шага позади, ссутулившись под весом рюкзака и собственных мыслей. Со стороны они смотрелись как эксцентричный аристократ и его угрюмый носильщик. Истина была сложнее.

Истина заключалась в том, что Крикс до сих пор не знал, кто — или что — идёт впереди.

Соляная равнина кончилась внезапно, оперевшись в край тектонической складки. Дальше начинался обрыв — не в бездну, но в простор. Перед ними распахнулась Горизонталь: подземный горизонт такой ширины, что захватывало дух. Свод Тектоники вздымался на триста метров вверх, усыпанный кристаллическими звёздами — бледно-голубыми, розовыми, ядовито-зелёными. Их свет был мёртвым, отражённым, но его хватало, чтобы разглядеть город.

— Вот он, — сказал Алехо, и голос его прозвучал тише обычного. — Рудники-Призраки. Город, который поверил в ложь.

Крикс остановился на краю обрыва. Город висел на каменной перемычке между двумя уровнями Артерии, вцепившись в скалу арками мостов, контрфорсами и террасами. Тонкие шпильки воздухопроводов тянулись к звёздному своду, как пальцы утопающего. Ветра не было, но где-то в глубине улиц рождался звук — низкий, заунывный гул, похожий на дыхание спящего великана.

— Песнь мёртвого города, — произнёс Алехо. — Слышишь?

Крикс слышал. Он слышал всё — в этом и было его проклятие. Гул состоял из множества слоёв: инфразвук остывающего камня, скрежет микротрещин, далёкий перестук осыпающейся породы. И ещё что-то. Что-то, вибрирующее на частоте, которую его наушники не могли отфильтровать.

Человеческий страх. Застывший в камне, как муха в янтаре.

— Здесь было Безмолвие, — сказал он. — Большое. Очень большое. Но не такое, как сейчас. Оно... впиталось.

Алехо покосился на него с любопытством.

— А ты и правда слышишь то, чего не слышат другие. Я думал, это просто байки гильдии.

— Я не из гильдии.

— О, я заметил. — Алехо хмыкнул. — Гильдейские не ходят в Безмолвие без охраны. И без страховки. И без здравого смысла.

Он первым ступил на мост — узкую каменную арку без перил, переброшенную через трещину в скале. Крикс последовал за ним, стараясь не смотреть вниз.

Город встретил их тишиной — той самой, ватной, давящей на уши, к которой Крикс так и не привык. Но здесь она была другой. Не пустой — переполненной. Как комната, в которой только что кто-то умер.

Улицы выглядели нетронутыми. Двери распахнуты. На столах — посуда. В мастерских — неоконченные артефакты: кристаллические сферы, наполовину огранённые жеоды, инструменты, назначения которых Крикс не знал. Всё покрывал слой тончайшей серой пыли, не пахнувшей ничем. Не прах. Осевшая Тишина.

— Не трогай ничего, — предупредил Алехо. — Серьёзно. Даже не прислоняйся. Тут повсюду эхо-ловушки. Коснёшься — и тебя накроет чужим последним мгновением. Я видел, как крепкие мужчины седили за секунду.

Крикс кивнул. Руки он держал в карманах.

Они прошли мимо рынка, где на прилавках лежали окаменевшие кристаллические фрукты — друзы, которые когда-то выращивали для еды. Прошли мимо храма с обрушенным куполом, где статуи святых Ремесленников стояли без голов — то ли мародёры, то ли сама Тишина откусила им лица. Прошли мимо фонтана, в котором вместо воды вращалась чёрная маслянистая жидкость — медленно, противоестественно, против часовой стрелки.

Алехо ориентировался уверенно, но Крикс заметил, что он избегает смотреть на некоторые здания. Отворачивается. Ускоряет шаг.

— Ты знаешь этот город, — сказал Крикс.

— Я же говорил, я вырос на этом уровне.

— Ты знаешь этот город. Лично.

Алехо не ответил. Только плечи его напряглись под пёстрым плащом.

В центре города высился Зал Совета — огромное куполообразное здание, сложенное из чёрного базальта с прожилками застывшего Ихора. Купол был идеальной полусферой — архитектура, возможная только с магией. Крикс остановился перед входом, задрал голову.

— Мне нужно внутрь.

— Зачем?

— Там была принята последняя резолюция. Совет собирался, когда началось Безмолвие. Если я сниму акустический слепок, я узнаю, что произошло.

Алехо колебался. Его лицо, обычно подвижное, застыло.

— Там плохое эхо, — сказал он наконец. — Очень плохое. Я его слышал... однажды. Издалека. Мне хватило.

— Ты можешь ждать снаружи.

— Нет. — Алехо тряхнул головой, и маска балагура вернулась на место, хоть и сидела криво. — Мы партнёры. Ты платишь мне ответами. А я присматриваю, чтобы ты не помер раньше времени. Пошли.

Они вошли.

Внутри царил полумрак, рассекаемый лучами кристаллического света, падавшими из проломов в куполе. Пыль висела в воздухе неподвижными облаками. Зал был круглым, с ярусами каменных скамей, спускавшимися к центральной арене. На арене стоял стол Совета — длинная плита из цельного обсидиана. Вокруг — кресла. Пустые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.